

МОЖНО ЛИ МЫСЛИТЬ ПОЛИТИКУ В ИНТЕРИОРНОСТИ?*

СИЛЬВЕН ЛАЗАРИУС

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политика-как-мысль, постмарксизм, постленинизм, постаоизм, политическая субъективность, деисторизация политики, сингуляризация политики.

С начала 1980-х гг. Лазарюс в ряде работ (позднее вошедших в сборник «Постижимость политики» (2013)) разрабатывает собственную теорию, которую можно рассматривать одновременно и как один из радикальных вариантов постмарксизма, и как принципиально новый способ мыслить политику вообще — понимая ее как мысль *sui generis*, несводимую к университетским political studies и политической философии. Для этого он предпринимает радикальное перепрочтение Ленина, Маркса, Сен-Жюста и Мао и разрабатывает собственный, нестандартный категориальный аппарат — для неподготовленного читателя выглядящий крайне абстрактным, но на самом деле тесно привязанный 1) к самой актуальной французской повестке

своего времени; 2) к огромному количеству проведенных Лазарюсом полевых исследований — тысячам интервью с рабочими и членами профсоюзов. Мысль Лазарюса 1980–90-х гг., являющаяся чем-то вроде мостика между университетским дискурсом о политике и активистской мыслью, оказала большое влияние на мысль о политике Алена Бадью и остается крайне актуальной в нынешней ситуации, когда баланс между университетской и активистской мыслью полностью нарушен в пользу университета.

Предлагаемый читателю текст, «Можно ли мыслить политику в интериорности?» (1985) является одним из манифестов автора, где он впервые вводит многие свои базовые категории (которые будет использовать в течение дальнейших

* Перевод с французского выполнен Сергеем Ермаковым по изданию: Sylvain Lazarus. *L'intelligence de la politique*. Textes établis par & préface de Natacha Michel. Marseille: Al Dante, 2013. P. 99–144. В квадратных скобках даны поясняющие вставки слов и слова французского оригинала.

1 Первая версия этого текста — изначально бывшая докладом, прочитанным 13 ноября 1985 г., — была опубликована в том же месяце в виде брошюры «Материалы конференций “Le Perroquet”, 4 выпуск», приложение к № 53 журнала *Le Perroquet*. В 4 вып.: *Политика под испытанием собственной мысли, своей мысли в интериорности*. В ней она формулирует то, что она утверждает как свое сознание и свою субъективность. То, в чем разворачивается конфигурация политики и ее мысли, образует исторический модус политики. Какие модусы мы можем сформулировать?

двадцати пяти лет, в том числе в своей фундаментальной книге «Антропология имени» (1996)), демонстрирует новые методы прочтения главных текстов революционной и левой традиции и проводит демаркационные линии с другими способами мысли о политике. Одним из важных достижений Лазарюса является «деисторизация» политики — выведения мысли о ней из-под власти исторической мысли (политика мыслится как «сингулярный»

самообосновывающий акт, а не следствие своих исторических и социологических предпосылок). Некоторые результаты его анализов — о новом соотношении государства и экономики в парламентских системах, где исчезла программатическая политика, или о роли народа и новом понимании термина «демократия» — станут общим местом среди многих университетских левых только спустя приблизительно двадцать лет.

Сегодня я хочу предложить вам новый проект политики.

Сегодня, в 1985 году, приступая к созданию новой организации — Политической Организации², — мы больше не можем просто называть себя «пост-ленинистами». Мы можем выдвинуть новую концепцию политики.

Перечислим референты, от которых мы отказываемся. Мы отвергаем партию, форму организации, которая ведет к Государству-партии. Мы больше не обращаемся к мысли в терминах классов. В последний раз воспользовавшись приставкой «пост-», мы констатируем: ситуация является «постклассистской». Классы и классовые противоречия хотя и существуют, но в любом случае оказываются бездействующими в той субъективности, которую мы называем «люди» [les gens], — это показывают исследования. Мы отмечаем кризис понятия антагонизма. Наконец, мы отходим от термина «массы», ключевого элемента маоистского лексикона, в пользу термина «люди», более открытой категории. В этом новом термине мы ничего не предполагаем заранее. «Люди» — это неразличимое достоверное: мы не предпрещаем ничего (о чем говорит «неразличимое»), кроме существования («достоверное»). Тем не менее, отказываясь от формы партии, мы твердо держимся формы организации: *политика бывает только организованной.*

Мое выступление будет состоять из нескольких частей:

1. Введение новых категорий, которые я предложу вашему суждению.
2. Разработки на основе этих новых категорий.
3. Примеры исторических модусов политики.
4. Приложения: «Материя политики» и «Три утверждения».

² Создана Сильвенем Лазарюсом, Наташей Мишель и Аленом Бадью. Просуществовала до 2007 г. — Прим. перев.

I.

Я буду использовать три категории: интериорность, субъективность, интеллектуальность. Эти категории, имеющие разное назначение [assignment]³, приобретают свою связность и действенность вследствие того, что исходят из одного и того же принципа: *люди мыслят*.

> *Люди мыслят*

Люди мыслят является моим основополагающим высказыванием. Сразу скажем, чем оно не является. Это не нормативное высказывание, не нормативная концепция мысли людей. Такая концепция имела место в форме партии, где у последней была монополия на мысль. Далее, это не ленинистское высказывание, которое я разбирал в «Рабочих заметках о пост-ленинизме»⁴ и согласно которому сознание является *сознанием чего-то*⁵. Там я подчеркивал, что у Ленина теория сознания давала возможность подступиться к субъективному как таковому, но это сознание, будучи *сознанием чего-то* (антагонизма), то есть сознанием Государства, было также сознанием некоего объекта. Сознание антагонизма как условие партии — важнейшее изобретение — ставит форму организации (у Ленина — партии) в зависимость от определенной политическо-государственной логики, накладывающей ограничения на способность людей. Выдвигая принцип *люди мыслят*, я отхожу от этой концепции политического сознания. Более того, перед нами не стоит проблема построения партии. Концепция политики, отвергающая политику в терминах партии и Государства (то есть ту, которая делает Государство своим объектом), будет называться *политикой в интериорности*.

Люди мыслят имеет силу для всех. В противном случае мы возвращаемся к ленинистской концепции сознания, разделенного на стихийное сознание (неорганизованных людей) и антагонистичное сознание (организованных людей), что вернуло бы нас к дуализму типа идеология/(марксистская) наука.

Люди мыслят: они мыслят как в рамках политики, *дистанцированной от Государства (политика в интериорности)*, так и в рамках политики *в пространстве Государства (политика в экстериорности)*. Чтобы была возможность заниматься политикой, когда люди примыкают к парламентаризму или синдикализму, необходимо признать наличие мысли у людей, которые голосуют или участвуют в профсоюзах. Принцип *люди мыслят* легитимирует политику в интериорности, в отрыве от Государства, — но точно также и ее

3 Этот нюансированный технический термин Лазарюса (и однокоренные глагольные формы) мы передаем в разных местах как «назначение», «привязка» или «приписывать». — Прим. перев.

4 Текст «Notes sur le post-léninisme» впервые издан под псевдонимом Поль Сандвенс (Paul Sandevince) в 1981 г. (Sandevince 1981). Переиздание: Lazarus 2013, 67–98. — Прим. перев.

5 В оригинале просто «*conscience de*», где *de* — непереводаемый предлог, обозначающий отношение родительного падежа (как объективного, так и субъективного, — на чем и играет Лазарюс). — Прим. перев.

противоположность, политику в экстерииорности. В обоих случаях есть мысль и есть политика.

Однако, отличая политику в интерииорности от политики в экстерииорности, не возвращаюсь ли я к старому делению политики: буржуазная версия, пролетарская версия? Никоеим образом. В моей концепции политики в *интерииорности* речь идет о построении политики исходя из процессов, определяющихся собственной динамикой, а не через *одну лишь* работу антагонизма. Когда существует пространство в интерииорности, оно развивается исходя из себя самого, а не исходя из своего «против». Это развитие из себя самого можно назвать сингулярностью. Сражения, определение противников оказываются в интерииорности, а не следуют из деления реального на друзей и врагов.

В интерииорности/в экстерииорности: то есть речь не идет ни о расколе между стихийным и сознательным, ни — что особенно важно в том, что касается политики в интерииорности, — о сознании объекта в старом смысле, в ленинистской форме сознания антагонизма Государству (тем более что антагонизм сегодня находится в критической фазе своего едва ли не исчезновения). Процессы форм сознания, процессы субъективации политики бывают двух порядков: в экстерииорности и в интерииорности — это следствие из тезиса *люди мыслят*.

Это предполагает, что политика относится в первую очередь к порядку мысли, а не к порядку «объективных реальностей», объективной реальности противоречий, чьим парадигматическим продуктом является Государство. Следовательно, мысль не является мыслью об объекте, она исходит из субъективации — что, однако, не означает, что она лишена своей привязки и точности. Мы выразим это в формуле: *мысль есть донесение реального*. Донесение реального [rapport du réel]⁶, а не отношение к реальному [rapport au réel] — это искажение грамматики служит именно для того, чтобы показать, что мысль не делает реальное своим объектом. Необъективирующая формула «донесение реального» предполагает, что эта мысль не схватывается ни в категориях истинного или ложного, ни в рамках отношения субъективного к объективному. Поэтому *люди мыслят* придает первый смысл высказыванию «политика принадлежит порядку мысли». От этого постулата зависит возможность политики, сосредоточенной на том, что в «Заметках о пост-ленинизме» мы назвали *способностью масс*.

> *Первое назначение политики в интерииорности: люди мыслят*

Политика в интерииорности является политикой в субъективности.

Во-первых, потому что ее пружиной или движущей силой не является объект-Государство. Политическо-государственной логики недостаточно, чтобы

6 Здесь Лазарюс также использует двусмысленность субъективного и объективного родительного падежа; кроме того, *du* — это частичный артикль, т. е. также возможен перевод: «донесение чего-то из реального». — *Прим. перев.*

уловить или постичь способность масс. Поэтому необходимо отказаться от референтов, дающихся в виде объекта, и в первую очередь: от Государства. Именно то, что политика в интериорности является политикой *в субъективности*, и указывает на возможность опереться на иные принципы, нежели старые марксистские референты, более недействительные.

Во-вторых, поскольку политика, которую я предлагаю, опирается на субъективации, формы сознания в интериорности, она исходит из того и вбирает в себя то, что мыслят люди: «в субъективности» означает, что политическое делание разворачивается исходя из форм сознания: из тех, что я отношу к интериорности.

Сразу уточню, что [выражение] «в субъективности» необходимо отличать от того, что я понимаю под «процессами субъективации» или под «субъективациями». На самом деле, в политиках экстериорности (в пространстве Государства) тоже есть субъективации, формы сознания — но они находятся в экстериорности. Утверждение, что политика в интериорности является политикой в субъективности, указывает на то, что и субъективации в этом случае находятся в интериорности: они концентрируются вокруг того, «что мы можем сделать сами», а не просто вокруг того, «против чего мы боремся». То, что политика в интериорности находится так же и в субъективности, указывает на особый [singulier] характер субъективации.

В-третьих, также и потому что это политика, *которая мыслит себя сама*, без помощи других доктрин: философии, истории, экономики, социологии и т. д. Мой тезис здесь в том, что субъективное может вести только к субъективному — субъективное мыслит себя через субъективное. Поэтому речь идет о доктрине сингулярности политики. Отказ от внешней поддержки или подкрепления политики — или же от заимствований из других дисциплин — конкретизируется в высказывании *политика является мыслью*. Мыслящая сама себя, она является некой мыслью. То, что субъективное начало является принципиальной частью этого диспозитива, и позволяет сказать, что политика в интериорности является политикой в субъективности.

В плане отрицания субъективное измерение политики в интериорности:

- отказывается от отношения объективное-субъективное и предыдущих форм политики в терминах объекта;
- констатирует окончание предшествующих референтов: марксизма-ленинизма (сталинского теоретического построения, которое отбрасывается как таковое) и понятия партии, а также учитывает специфические обстоятельства устаревания классицизма⁷ (он больше недействителен).

7 «Классицизм» (*classisme*) у Лазарюса не имеет никакого отношения к современному употреблению слова, означающего одну из форм дискриминации (наравне с сексизмом, эйд-жизмом и пр.), и является одним из центральных понятий его мысли. Это не сама по себе мысль о классовой борьбе — для Лазарюса относящаяся к ведению истории, — но особая политическая субъективирующая ставка на класс, характеризующая, например, политику Ленина в 1917 и отдельные ее отголоски вплоть до 1968 г. и следующих за ним нескольких

А в плане утверждения:

- опирается на принцип *люди мыслят*;
- позволяет идентифицировать политику, которую предлагаю я. Политика существует в субъективности, когда субъективное находится в интериорности.

Возьмем один пример того, что мы называем *мыслью людей*: здесь это мысль о слове «рабочий» — и в рамках подхода [démarche] в *интериорности*.

Слово «рабочий» было упразднено одним из членов первого правительства Миттерана после забастовки на заводе Тальбо-Пуасси в январе 1984 года, когда бастующие рабочие иностранного происхождения были атакованы старшими мастерами, забрасывавшими их стальными болтами под крики «арабов — в печь», — примечательное соединение антисемитизма с ненавистью к иностранцам. Член правительства, яростно клеймивший эту забастовку, сделал это, объявив, что она была делом иммигрировавших лиц, «чуждых французской действительности», и тем самым он заменил слово «рабочий» на слово «иммигрант», положив начало периоду, в ходе которого слово «рабочий» исчезло из официальной публичной сферы.

Мы заново обнаружили его на Рено-Бийанкур (тогда еще находившемся на острове Сёген) — в форме *проблематичного слова*, а не в качестве социологической характеристики, означающего функцию лица на заводе, — в ходе долгих опросов в профсоюзных организациях работников конвейерной сборки, которые все были иностранцами по происхождению — в высказывании: «Я рабочий. На заводе меня называют рабочим, но вне завода меня называют иммигрантом, потому что они забыли, что я был рабочим». Категорически решать и утверждать насчет существования слова — а значит, не принимать его исчезновение — субъективировать его как то, что делает возможной трансформацию в сознании того, кто его произнес, — именно это я и понимаю под *люди мыслят*. Я обращаю ваше внимание на формулировку «вне завода меня называют иммигрантом, потому что они забыли, что я был рабочим». «Иммигрант» получает свою специфику из забвения «рабочего». Для нашей политики из этого следуют два высказывания: *на заводе есть рабочий и сделать завод политическим местом*. И наконец: *завод является местом рабочего*⁸.

Что касается форм сознания в субъективности, члены профсоюзной ячейки, с которой мы долго дискутировали, не относили себя к рабочему классу — и следует сказать, вовсе не из-за невежества, но просто потому, что в субъективности он был недействующим. Завод, да, был действующим: как место рабочего. Другие профсоюзные ячейки Бийанкура в целом подтверждали этот тезис: они категорически высказывались насчет ситуации, в которой стирание слова «рабочий» открывало в числе прочего дорогу «лепенизму везде»,

лет; т. е. «классизм» — это имя конкретной политики. См.: Lazarus 1996, 12–13, 85–133. — *Прим. перев.*

8 Разумеется, в нашей политике на заводе имелись и другие процессы, другие темы, о которых мы не можем рассказать здесь.

а также обесцениванию ручного труда, с известными всем последствиями, особенно для школьного образования.

На этом примере слова «рабочий» мы видим, что один из аспектов работы в массе заключается в исследовании и практике вопроса об именах. Это то, что позволяет формулировать предписания. Поясним этот термин: предписание — это форма, которую принимают решение и политическая воля, открывающиеся некоторому возможному. Предписание может сосредотачиваться в высказывании. В нашем случае: *на заводе есть рабочий и сделать завод политическим местом*⁹.

> *Итоговое назначение политики в интериорности: исторический модус политики*

Политика в интериорности в своей привязке к принципу *люди мыслят* дает политику в субъективности. В своей привязке к историчности она становится тем, что позволяет схватить способ, которым существует политика, когда она существует — как *отношение той или иной политики к своей мысли*: это доктрина *исторического модуса политики*. Категория исторического модуса политики позволяет постигать политику в том *сингулярном изобретении*, которое она представляет, постигать практики — так же сингулярные, — в которых она разворачивается, ее радикально новые формы организации.

> *Исторический модус политики в интериорности*

Политика в интериорности возникает и существует только в форме модуса. Мы можем идентифицировать модус в интериорности (то есть можем понять его природу), если определим, какая *мысль* работала в этом модусе. Эта изобретающая мысль является мыслью деятелей модуса и в некоторых случаях она может получать имя собственное (например: Сен-Жюст, Ленин, Мао). Она создает категории, понятия, концепты, присущие данному модусу. Эти категории сингулярны: пространство их существования, их эффективности и их функционирования является пространством и временем такого модуса. Ибо, как мы увидим, у модуса в интериорности есть время и пространство. Категории модуса неприменимы где-либо еще, кроме создавшего их модуса, их невозможно обобщить. Жестко соединенные с модусом — иными словами, его собственное изобретение — в своем употреблении и существовании они становятся исчерпанными — или пресыщенными, — когда модус прекращается.

Политика в интериорности редка и существует в последовательностях [séquences]. Дело в том, что доктрина модусного существования политики

9 Гораздо позже, уже после Сен-Бернара [имеется в виду оккупация парижской церкви Сен-Бернар де ля Шапель рабочими малийского и сенегальского происхождения. — Прим. перев.], между 1996 и 2007 гг., предписание рабочих без документов высказывалось следующим образом: *считайтесь с рабочим, считайтесь с работой; мы здесь, значит, мы отсюда; документы для рабочих без документов*. Замечу, что они изобрели это высказывание за много лет до того, как оно стало всеупотребительным.

является также доктриной *последовательности*. Политика существует в последовательностях: она не существует в какое угодно время; сингулярная политика имеет начало и конец. Кроме того, последовательности не следуют друг за другом и не накапливаются. Поэтому мы говорим, что политика редка.

Места модуса. Как опознать и осмыслить прекращение модуса в интериорности? При помощи второго свойства исторического модуса политики. Реальность модуса удостоверяется, конечно же, его мыслью, но также и его способностью создавать *места политики* — ниже я приведу примеры по этому пункту. Милитанты, они же деятели модуса, создают то, что я называю *местами*. Конвент и общества санкюлотов для того, что я называю «революционным модусом», Советы и партия для «большевистского модуса»; новые процессы в «диалектическом модусе» — такие как изобретение «народной войны» и революционной армии в маоизме. «Армия, выполняющая политические задачи революции»¹⁰, «армия на службе народа» являются местами модуса, который я называю «диалектическим», чьим именем собственным был Мао Цзэдун.

Это означает, что есть *множественность* мест. После исчезновения одного из мест исчезает и весь модус. Его категории становятся исчерпанными, и поэтому их невозможно использовать повторно для политического изобретения в другой последовательности. Таков тезис сингулярности политики. Каждая последовательность в интериорности является сингулярным феноменом. Следовательно, не существует универсальности политики. Только мысль о сингулярности может дать о ней отчет.

Следовательно, исторический модус политики в интериорности определяется и идентифицируется через его места и категории, созданные и систематизированные деятелями внутри модуса. Это означает и имеет следствием то, что мы можем *идентифицировать* модус политики через *его мысль*, или, точнее, через *отношение политики со своей мыслью*. Формулировка «отношение со своей мыслью» указывает на то, что та или иная политика мыслит себя как политика, а значит, высказывает то, что основывает ее саму как политику.

Скажем, что имеется исторический модус политики, когда о ней можно размышлять через *отношение с ее мыслью*. Поскольку политика в интериорности существует только в модусах и поскольку политика существует только в последовательностях, можно выдвинуть тезис, что *политика в интериорности является мыслью*.

> *Модус политики в интериорности и в экстериорности*

Итак, я предлагаю доктрину модуса политики. *Люди мыслят* для меня является выводом из ленинизма, когда — в противоположность политическо-

10 См. рус. пер.: Мао Цзэдун, «Об искоренении ошибочных взглядов в партии» (Цзэдун 1967, 128). — *Прим. перев.*

государственной логике — он переходит к поискам того, что же «могут» люди. Это также попытка установить — за пределами какого-либо идеализма, — что в синтагме «исторический модус политики является отношением некоей политики со своей мыслью» *мысль является политическим высказыванием*. То, что политика является мыслью, является доктриной, но также и очевидным результатом любой организованной и серьезной работы с людьми.

Я различаю два «типа» модусов:

- *Модус в интериорности*, в котором мысль людей организует действие. Он создает новые категории и изобретает множественные места. В рамках модуса в интериорности высказывание о том, что мысль людей находится в субъективности, указывает, что она направлена на самих людей, на то, что они хотят и что они делают, а не на структуры (классы, формы Государства, природу экономики). Мы надеемся показать это на примерах модусов, приведенных далее.

- *Модус в экстериорности*: пока что не вдаваясь в подробности скажем, что это вотчина Государства. Однако он постигается не посредством аналитического описания форм угнетения и господства, собственников, а также мужчин и женщин, находящихся у власти (тем не менее, как мы увидим, этот анализ всегда остается необходимым), но через способ, посредством которого люди трактуют эту ситуацию. Иными словами, речь идет о том, чтобы определить, что именно мыслят в модусе в экстериорности люди, чем являются формы субъективации людей в этой (плохой) ситуации. Экстериорность означает учитывание (в актуальном модусе) или изучение (в завершённом модусе) модальностей субъективации людей. Модус в экстериорности можно постичь с точки зрения того, что именно делают и мыслят люди в данном модусе. Всегда помня о том, что в модусе в экстериорности люди мыслят в пространстве Государства. Это значит, что модус в экстериорности полностью соответствует доктрине модуса как отношения политики со своей мыслью. Однако — и в этом и заключается отличие экстериорности от интериорности — в модусе в экстериорности точкой субъективации является Государство или Государство-партия, организующее мысль людей. Здесь именно Государство является референтом процессов субъективации. И этот референт находится в экстериорности.

Подведем итог: — в модусе в интериорности точкой субъективации политики является мысль самих действующих людей: процесс субъективации сам находится в интериорности; — в модусе в экстериорности процессы субъективации находятся в экстериорности: это партия или Государство. В свою очередь, в том, что касается мест, модус в экстериорности предъявляет себя не через множественность мест (как это происходит в модусе в интериорности), но в доминировании одного: партии или Государства. Партия или Государство даны как единственное место последовательности модуса в экстериорности.

II.

После того, как в результате поражения революций и превращения коммунистических партий в Государства-партии ленинистский диспозитив оказывается отброшенным, — и в тот момент, когда мы выходим из классицизма, то есть когда классовая борьба перестает действовать субъективно и политически, — необходимо освободить политику от проблематики антагонизма и больше не придавать ей Государство в качестве единственного объекта. Скажем еще раз: необходим новый подход к политике и необходимо требовать *в первой фазе* не центрировать или не основывать политику на Государстве и, более того, на форме государственной власти. Новая политика будет находиться *на дистанции от Государства*.

Крушение социализма не является просто крушением его программы — исчезновения классов и отмирания Государства, — это крушение общей центрации политики на Государстве. Объектное [objectal] видение политики сегодня и во Франции состоит в числе прочего в том, что [для него] не существует политики кроме той, что исходит из аппарата Государства и его внутренних логик, которые оно само и формулирует: заниматься политикой означает идти в парламентаризм.

Проект политики в интериорности нацелен на поиск новой диспозиции по отношению к вопросу о Государстве. А именно: как противостоять Государству, когда мы не находимся ни в гипотезе парламентской оппозиции, ни в гипотезе революционного уничтожения наличного Государства? Но никакая политика в интериорности не приемлема, если она не занимает новую диспозицию по отношению к способности людей и к тому, что я называю *возможным*. Возможное и способность людей — две опоры того, что я называю политикой в интериорности.

Переобосновать категорию возможного на способности людей — способности, которая бы соответствовала историческому опыту (крушению социализмов), — означает: не начинать с вопроса о Государстве. Политика в интериорности как раз и работает над тем, каким образом политическая способность людей может найти формулировки, соответствующие принципу *люди мыслят*. То, что формы сознания людей представляют собой нечто иное, чем политическо-государственная логика, является отправной точкой такой политики. Если формы сознания людей направлены на применение их способности, то верным будет утверждение, что субъективное (формы сознания) схватывается исходя из субъективного (способности людей).

Тем не менее практиковать политику *на дистанции* от Государства никоим образом не означает игнорировать центральную роль Государства, но задаваться принципиальным вопросом: каковы формы политической субъективности людей сегодня? Только продвижение в этом пункте позволит на других основаниях выдвинуть предписания новой политики воздействия на Государство.

«Политика относится к порядку мысли», «субъективное, схваченное исходя из субъективного» и «политика в интериорности» — в этих трех формулировках содержится попытка рассмотреть политику после конца классицизма и в ином пространстве, нежели пространство Государства. И в первую очередь в них утверждается, что политика не дается в пространстве того или иного объекта, будет ли он Государством или революцией.

Политический подход в интериорности начинается с тезиса, что политика является *некой мыслью*: она зависит от форм сознания людей, и в таком случае исходит из их субъективной потенции. Субъективная потенция людей является мыслью, а не простым отражением их материальной и социальной ситуации. Но вопрос этим не ограничивается. Речь также идет о том, чтобы утверждать качественную несводимость политики к любому другому пространству, кроме ее собственного, и о необходимости осмыслять ее в ее сингулярности.

Политика здесь устанавливается как то, что располагает собственным полем мысли, которое не может, не приводя к ее исчезновению, быть подчинено тому или иному внешнему полю, будь оно философским, экономическим или историческим. Это значит, что речь идет о том, чтобы мыслить политику исходя из нее самой, а не из других дисциплин: у политики есть собственная *интеллектуальность*. Поэтому, если мы принимаем это требование (мыслить ее посредством ее самой), то необходимо мыслить ее в *субъективности* таким образом, чтобы она никогда не становилась объектом. Мыслить ее как мысль, а не как объект, — это то, что я называю следовать подходу в субъективности.

Не существует политики вообще. Политика не соответствует ни каким-то инвариантам, ни структурам обществ. Нет политики, кроме как в экстерииорности и в интериорности. Последняя является исключительной. Утверждение, что она является мыслью, позволяет не обращаться к Государству, власти или истории для ее идентификации. Высказывать ее в субъективности означает идентифицировать ее за пределами социальных совокупностей, классов, социальных конфликтов, вопроса о власти, то есть вне всего того, что привыкли обозначать словом политическое или «политическое целое». Политика не существует где угодно, она не является управлением Государством, делами Государства. Государство отлично от политики. В своих трансформациях, включая те, о которых мы будем говорить, оно дается как нечто перманентное и инвариантное для современных обществ. Утверждение, что политика принадлежит порядку мысли, устанавливает политику как *сингулярность*. Именно тому, что политика относится к сингулярности, и будет отвечать понятие *исторический модус политики*.

Почему я говорю о политике, что она является мыслью, и не довольствуюсь категорией сознания у Ленина? Повторюсь: Ленин изобретает сознание в политике. Это сознание является *сознанием антагонизма*. То есть этот антагонизм *субъективирован*. Это означает, что партия им овладевает, что

объективное противоречие становится сознанием. Здесь можно оценить всю глубину отличия от Маркса, у которого материальные условия существования *детерминируют* формы сознания. Сознание уже существует у Маркса, но оно является эффектом, оно детерминировано материальными условиями существования. У Ленина нет детерминации, у него есть условие. Здесь впервые возникает субъективное измерение.

В таком случае было ли возможно, опираясь на Ленина, представить себе сознание без *чего-то* и придать субъективному более широкую и гораздо более неразличимую область, нежели простое *сознание чего-то* (антагонизма), сознание, гарантированное классовой точкой зрения?¹¹ Может ли тогда политика исходить *полностью из сознания* и можно ли применять категорию *сознания без объекта*, без спецификации?

Дезобъективация категории сознания раньше мне представлялась возможной. Теперь я так не думаю. Сознание больше не является центральной категорией политики. Поскольку я по-прежнему считаю, что политика принадлежит порядку субъективного, я предлагаю, как вы только что видели, постигать ее иначе: через исторический модус политики, то есть через ее отношение со своей мыслью. Только смешение между политикой и историей, политикой и Государством позволяет верить в перманентность политики. Итак, существуют только сингулярные политики.

Каждый модус является сингулярностью. Поэтому следующие тезисы — «политика относится к порядку мысли» и «политика является мыслимой» — эквивалентны не в обобщающей перспективе, но внутри проблематики сингулярности, чьей высшей точкой является характеристика политики как модуса.

Существование политической последовательности — то есть исторического модуса политики — удостоверяется целым рядом способов:

- Через то, что она создает *места*, как мы уже говорили. Эти места не являются «физическими» местами. Место является высказыванием не о локализации, но, напротив, о делокализации; политика больше не идентифицируется через партии, классы и Государства, но через модусы в интериорности, формы самоприсутствия: собрания, процессы, иные формы организации. Модус прекращается, когда исчезает одно из его мест. У любой политики в субъективности есть *несколько* мест, являющихся пространствами кристаллизации, где она разворачивается и практикуется. Конец последовательности является ее прекращением, а не ее поражением.

- Модус в интериорности воплощает в себе лакунарное существование политики, поскольку каждый модус характеризуется через сингулярную категорию, а не перманентную структуру. Здесь хорошо видно, что последовательность и не-объектность тесно связаны. Работа по идентификации модуса

11 О «классовой точке зрения» как атрибуте партии, а не самого класса, см.: Лазарюс 2017, 29. — *Прим. перев.*

заключается в идентификации мысли о политике и датировании его последовательности. Скажем, что исторический модус политики находится в *интериорности*, когда, с одной стороны, в определенном историческом периоде мы можем выделить последовательность, в которой существует мысль о политике и где удостоверяется отношение этой мысли к последовательности, и, с другой стороны, когда имеется множественность мест.

Принципиальными привязками в случае политики в экстерииорности будут:

- Государство и власть, представляющиеся базовой совокупностью современной политики и реальным политики. Государство и власть считаются концептами, посредством которых постигается политическое реальное;
- Классы — либо как совокупность, либо как политические субъекты в их противоречиях и их антагонизме.

Скажем, что модус находится в экстерииорности, когда политика назначается только одному месту — в общем случае это Государство (например, парламентаризм) или партия (Государство-партия Сталина) — и любая мысль подпадает под правило Государства или партии, тогда как действующие политики даны в форме сингулярностей угнетения. Здесь субъективация находится в экстерииорности. Есть две формы субъективации. В экстерииорности: она дается как сплоченность и примыкание. В интерииорности: она дается как то, что открывается возможному. Взглянем на первую из них.

Принцип *люди мыслят* не является благодушной наивностью. *Люди мыслят* может применяться к преступным политикам, например, к нацизму, также являющемуся модусом политики — вопрос, который я не буду разбирать здесь. В случае нацизма люди присоединяются к диспозитиву мысли, разделяют его, живут и умирают за него. Сплочение [ralliement] в нацизм не является следствием безумия или очарования — или же результатом крайнего принуждения. Поэтому можно называть это сплочение в субъективацию, «в мысль», сингулярным, как и любое другое. *Донесение* реального такого модуса — это то, что организует его господство над реальным: террор и лагеря, перманентная война и уничтожение¹².

В СССР безусловно имело место — в сингулярных и отличающихся формах — сплочение в сталинское Государство. Это позволило самым реакционным теоретикам, весьма далеким от какой-либо мысли о сингулярности, провести параллели между нацизмом и сталинизмом и попытаться ввести уравнение Гитлер = Сталин. Разумеется, в обоих модусах субъективация находится в экстерииорности — это примыкание к преступной гитлеровской политике или к террористическому сталинскому Государству. Субъективация направлена на способность людей не напрямую, но опосредованно — через

12 Уничтожение евреев нацистами подчинялось их логике тотальной войны; поэтому уничтожение достигает, если можно так сказать, своей высшей точки тогда, когда становится очевидным военное поражение. Здесь я отсылаю к моей статье в коллективном сборнике «Parole à la bouche du présent. Le négationnisme, histoire ou politique» (Marseille: Al Dante, 1997) (Lazarus 1997).

посредство нацистского или сталинского Государства, с которым эта способность отождествляется: [она направлена] на расизм, отождествление политики и тотальной войны в нацизме и — *без каких-либо точек пересечения* — социализм в отдельно взятой стране и диктатуру пролетариата в сталинизме. В модусе в экстерииорности, преступный он или нет, именно Государства являются *операторами* проводимой политики. Именно по причине того, что в разных случаях — включая (к счастью, не до такой степени преступный) нынешний парламентаризм во Франции — точка субъективации существует в экстерииорности, как раз и возможно исследовать их в качестве модуса — а следовательно, как отношение с мыслью.

Однако есть и другая причина, заставляющая меня применять принцип *люди мыслят* к модусу в экстерииорности. И это очевидный вопрос: существует ли иное, нежели примыкание, отношение людей к Государству в пространстве, где Государство является референтом? Как тогда обстоит дело со способностью людей, если они задаются этим вопросом применительно к самим себе? Как обстоит дело с возможностью освободительной политики (если реактивировать этот термин эпохи революции 1917 года) в модусе в экстерииорности?

Исходя из кризиса классицизма, кризиса категории антагонизма (Государству), наконец, кризиса категории революции — едва ли видной на горизонте в эти дни 1985 года, — исходя из того, что они обветшали или утратили силу, легко можно было заключить — как многие и сделали, — что, поскольку люди, массы, классы в целом отказались от революции и от антагонизма на деле, это означает их согласие с господством или в лучшем случае бессилие. Принципиально важно отстаивать иную позицию, нежели позиции примыкания и бессилия. И принципиально важно сохранять субъективное, в том числе в отношении людей к парламентаризму, — в противном случае гипотеза разрыва будет невозможной. То, что есть субъективность, пускай даже в примыкании к порядку вещей, является единственным аргументом в пользу возможности разрыва с этим порядком. Если люди мыслят, то *другая* субъективация возможна.

Подведем краткий итог. Политика в *интеллектуальности* (о которой я еще не говорил и здесь скажу лишь несколько слов), в *субъективности*, в *интериорности* являются формулировками, из которых ни одна не исключает другую, однако следует различать их привязку или их предназначение:

- назначением интеллектуальности является милитантная практика: она является ее концептуальной разработкой;
- назначением субъективности является принцип *люди мыслят*;
- назначением интериорности является существование политики, то есть теория модуса и проверка тезиса *политика является мыслью*. Следовательно, речь идет о том, чтобы сформулировать политическую мысль о политике и испытать политику — в том числе ту, которой занимаемся мы, — через ее собственную мысль.

Поэтому, чтобы резюмировать, скажу: *мой проект* — это проект политической мысли о политике; *это значит испытывать политику ее собственной мыслью; превращать отношение той или иной политики к ее мысли в план испытания и анализа политики [в целом] и подвергать испытанию политику (ту, которой мы занимаемся) ее мыслью в интериорности.*

III.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ МОДУСАХ ПОЛИТИКИ

Модусы в интериорности

> Классистский модус

С выходом *Манифеста коммунистической партии*, опубликованного в 1848 году, заявляет о себе то, что я называю «классистским модусом» политики. Напомню еще раз: идентифицировать модус означает идентифицировать его политические категории, другими словами, его мысль о политике, а также даты его появления и пресыщения.

Прежде всего, следует заметить, что в XIX веке категория класса является господствующей. И уникальность политических тезисов Маркса не заключается ни в применении категории класса (которая, как он подчеркивает, была изобретена не им, а историками), и даже ни в изобретении и применении категорий, которые обычно с ним связываются — диктатуры пролетариата и коммунизма. Ключевой пункт здесь в другом: в *Манифесте* заявляет о себе такая политика, в которой история становится категорией политики. *Законы истории*, которыми широко будут пользоваться позднейшие последователи, будучи примененными в классистском модусе, уступают центральное место настоящему в его отношении с будущим.

Этот тезис должен быть понят во всей своей полноте — или в своем бросающемся в глаза парадоксе: история, которую Маркс называет «историей классовой борьбы», не является просто объективной или дескриптивной историей, к которой прикладывается гораздо более поздняя — и в значительной степени сталинская — идея «исторического материализма», или же идея истории как науки. История для Маркса является, прежде всего, категорией политики, то есть тем, что я называю предписывающей категорией (я напомню, что предписанием является то, что открывается конкретному возможному).

Как мы докажем это утверждение?¹³

Прежде всего, необходимо ясно понимать, что в схеме «класс/диктатура пролетариата/коммунизм» история не является просто — и даже в первую очередь — историей прошлого, но историей *будущего*. Именно это противники Маркса назовут его профетизмом. Маркс объявляет, что история нацелена на настоящее и будущее. Исходя из того, что есть, она указывает на то, что может быть разрывом с тем, что есть. Таким образом, она разворачивается

13 В противоположность тому, что я говорил в предыдущих главах, обращаясь к Марксу иным образом.

в сторону предписания, наделяя именем истории одну из фигур политики.

Безусловно, Маркс умеет быть талантливым и глубоким историком, когда речь идет о прошлом и настоящем¹⁴. Но, когда речь идет о будущем, категория истории становится предписывающей. В связке с категориями класса, диктатуры пролетариата и коммунизма история становится проектом разрыва с существующим порядком.

Для того, чтобы в *Манифесте* один и тот же регистр категорий мог таким образом охватить прошлое, настоящее и будущее — чтобы такое отношение мысли ко времени¹⁵ было возможным, — необходимо, чтобы история функционировала как *форма политического сознания*. Именно это историческое сознание, охватывающее прошлое, настоящее и будущее, и характеризует интериорность классистского модуса.

Важнейшим следствием из такой концепции истории является то, что в классистском модусе политики не существует «партии класса». Те, кого Маркс называет «коммунистами», являются лишь одной из фракций в рабочих партиях, если точнее, в революционном движении. Единство истории и политики никоим образом не опирается на партию, но на *движение*. Несколько цитат по этому решающему пункту:

«...коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя»¹⁶.

«Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о ответственности, как основной вопрос движения»¹⁷.

Внутри движения функция коммунистов определяется через предписание исторического сознания: именно они — носители истории будущего:

«Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»¹⁸.

История и политика в единстве настоящего и будущего являются тем, чему коммунисты, будучи милитантами классистского модуса политики, обеспечивают единство в сознании.

Таким образом, история является именно тем, посредством чего определенная политика — в движении и через движение — соотносится со своей мыслью. История является центральной категорией мысли в классистском модусе политики.

14 См. например: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданскую войну во Франции», статьи о гражданской войне в США и т. д.

15 В одной из следующих глав, «Ленин и время», вы увидите, почему этот вопрос меня интересует (Lazarus 2013, 193–242). [См. рус. пер. фрагментов из этого текста: Лазарюс 2017. — Прим. перев.]

16 Рус. пер.: Маркс, Энгельс 1955, 459. — Прим. перев.

17 Ibid. — Прим. перев.

18 Ibid., 458. — Прим. перев.

Тем не менее категория революционного движения является принципиально важной и как фигура настоящего в истории. Внутри классистского модуса она является тем, что обеспечивает смыкание — попарно, а затем и в их совокупности, — терминов настоящее/будущее, история/политика, ближайший интерес/коммунизм.

Сегодня, несмотря на кризис категориальных референтов этого модуса — класса, диктатуры пролетариата или коммунизма, — понятие движения, дрейфующее в тех же самых парах, приобрело всем известную популярность. Однако в результате оно стало *циркулирующей* категорией (эпитет, который я противопоставляю «сингулярному»), что позволило посредством легкомысленного оптимизма объединять очень разные процессы. Это показывает со всей очевидностью, что категории, обладающие подлинной политической силой только в своей артикуляции в модусе (здесь — в классистском модусе), могут, утратив свою артикуляцию, продолжать существовать и впредь — в качестве размытых и вводящих в заблуждение репрезентаций.

Ситуация 1871 года — после Парижской Коммуны — закрывает классистский модус, начавшийся в 1848 с публикации *Манифеста*. Это закрытие, зафиксированное Марксом, обусловлено тем, что стало очевидно, что революционное движение в своей наиболее развернутой форме не является местом, где возможно — посредством диктатуры пролетариата — утверждать политическое коммунистическое предписание. Вслед за Коммуной прессыщаются категории революционного движения и коммунистической фракции движения, являвшиеся местами модуса.

Добавлю, что именно после Коммуны появляются партии в современном смысле этого слова, сочлененные с парламентским Государством — и совершенно отличные от того, что Маркс понимал под коммунистической фракцией революционных движений. Эти партии — чьим образцом послужит немецкая социал-демократия¹⁹, — приписывая себе определенную классовую проблематику и даже классовую природу, в действительности являлись государственными организациями, находившимися внутри Государства и в связанных с ним субъективациях. Примыкание СДПГ в Германии и ФСРИ²⁰ к «Священному союзу»²¹ в 1914 обнажило их гомогенность Государству и покончило с фикцией классовой природы этих партий.

19 Это СДРП (Социал-демократическая рабочая партия), основанная в 1869 г. А. Бебелем и В. Либкнехтом, которая в 1880 г. преобразуется в СДПГ (Социал-демократическую партию Германии).

20 Французская секция Рабочего интернационала — социалистическая партия, существовавшая с 1905 по 1969 гг., прямая предшественница французской Социалистической партии. — *Прим. перев.*

21 То есть примыкание к войне до победного конца между европейскими нациями в 1914 г. [«Священный союз» — принятое во Франции название сближения и объединения разных политических и религиозных сил вокруг милитаристской повестки после начала войны. Аналогичное движение в Германии называлось *Burgfrieden*. — *Прим. перев.*]

В рамках этой последовательности появление большевистского модуса политики — модуса, связанного с именем Ленина, — в период между 1902 и 1917 годами придаст другой смысл категории партии: высказывание «классы представляются партиями» перестанет быть историческим, экспрессивным²² и описательным высказыванием, и станет высказыванием предписывающим. Для Ленина политика находится под условием, и партия является ничем иным, как индикатором существования этого условия.

В конечном счете *Манифест* исключительно важен из-за трех пунктов:

- В нем действует один из модусов политики, модус в интериорности, а именно классистский модус, организующий *слияние* истории и политики в сознание.
- В нем показывается, что у темы «революционного движения» природа последовательности; у «революционного движения» нет подлинного политического смысла за пределами классистского модуса и его политические качества исчезают вместе с Парижской коммуной.
- Мы констатируем, что ни один из модусов политики в интериорности никогда не узаконивал тему «партии класса». В рамках модуса мы видим у Маркса слияние политики и истории, а у Ленина — политику под условием. У Мао Цзэдуна это будет модификация антагонизма посредством диалектики роста. Тема партии класса всегда была связана с модусами политики в экстериорности и в первую очередь со сталинским модусом политики. Этот момент исключительно важен для всех, кто, как и мы, стремится предписывать политику без партии.

> Большевистский модус

Здесь я буду краток, поскольку уже много говорил о Ленине. Последовательность большевистского модуса начинается в феврале 1902 года с публикацией «Что делать?» и заканчивается в октябре 1917. После этой даты мы становимся свидетелями огосударствления партии. Партия и Советы, бывшие местами модуса, исчезают, превращаясь в аппараты Государства.

Главной характеристикой этого модуса является не сознание антагонизма, как можно было бы ожидать, если вспомнить о той важности, которую я ему придаю в «Заметках о пост-ленинизме», но то, что это *модус политики под условием*²³. В этом и состоит его мысль и его сингулярность.

Политическая (пролетарская) способность не является ни врожденной, ни стихийной, ни структурной, но находится под обязательством высказать собственные условия существования. Это условие призывает партию, но она не является выражением класса, она сама существует под условием: то есть она

22 Имеется в виду, разумеется, не эмоциональная экспрессивность, а «выразительность»: в том смысле, в котором партия класса должна выражать класс. — *Прим. перев.*

23 Мы калькируем авторское *sous condition*, учитывая ту семантику, которую русское «под условием» имеет в юридических выражениях «сделка под отлагательным условием», «сделка под отменительным условием» и т. д. — *Прим. перев.*

формирует себя только в прямой зависимости от сознания антагонизма, которое также является сознанием революционной перспективы. Поэтому эта концепция расходится со стихийным или экспрессивным видением политики и социального. Разумеется, пролетарская революция, антагонизм существующему общественному и политическому порядку обрамляют и направляют ленинскую мысль, но не они учреждают ее в ее сингулярности. Эта сингулярность коренится в том, что я называю модусом политики под условием.

Партия находится под условием сознания антагонизма, оно субъективно. Но она никоим образом не является гарантом, как это будет у Сталина. Условие, которым является партия — или, другими словами, то, что высказывает партия, — находится под условием того, как она сообразуется с ситуациями. Это очень далеко от того, как функционировали партии социалистических стран, становясь Государствами-партиями.

> *Диалектический модус*

Диалектический модус (как мы увидим, это парадоксальная «диалектичность») является модусом революционной войны, а его имя собственное — Мао Цзэдун. Он длится с 1928 до 1950 года, то есть начиная с публикации «Почему в Китае может существовать красная власть?»²⁴ и вплоть до начала Корейской войны, когда прекращают свое существование модальности революционной войны.

В этом модусе отношение политики с ее мыслью осуществляется в рамках категории *законов*, служащих для постижения обстоятельств и ситуаций.

У Мао есть подход в терминах познания, чьей центральной категорией является категория закона. Есть целое множество законов, специально предназначенных для работы с ситуациями. Возьмем в качестве примера один из текстов, посвященных войне, «Коммунистическая партия Китая и революционная война в Китае» (это II глава «Стратегических вопросов революционной войны в Китае», 1936²⁵). Здесь излагаются законы войны, революционной войны — в том числе система «Великого похода»²⁶ или правило окружения городов базами в деревнях, — и законы революции в Китае. Дело в том, что законы рассматриваются в прямом отношении с их временем, с обстановкой. Здесь нет догматического принятия закона: законы меняются, они меняются потому, что меняется ситуация²⁷. Действуют не законы истории, но законы, позволяющие

24 См. рус. пер.: Цзэдун 1967, 71–83. — *Прим. перев.*

25 Рус. пер.: Цзэдун 1967, 243–246. — *Прим. перев.*

26 Конечно, Великий поход был тактическим ответом на окружение и угрозу уничтожения. Но он становится одним из законов революционной войны: каково бы не было его направление, по всему Китаю он несет с собой политическую мысль. Этот обходной маневр трансформируется в закон обходного маневра. Этот закон обходного маневра также работает в связи с окружением городов базами в деревнях.

27 В указанном переводном издании сочинения Мао в большинстве случаев используется слово «обстановка». — *Прим. перев.*

работать с конкретными случаями: со сложностью ситуаций, с драматическими обстоятельствами. Диалектический модус здесь становится деисторизирующим. Деисторизация заключается в том, что, подчиняя историю массам — этой подлинно маоистской категории, — модус заставляет историю исчезнуть в пользу того, что Мао называл «энтузиазмом к социализму»²⁸. Энтузиазм к социализму не является (одним только) энтузиазмом по поводу «сверхающего горизонта»²⁹, но особой доктриной роста (здесь этот термин не имеет никакого отношения к экономике), отныне вписанной в формы, которые принимает армия — не просто как военная сила, но в своей практике работы в массах, которой она подчинена³⁰. Разумеется, законы должны трактовать обстановку. Ситуация является «сложной»³¹. Она является ситуацией целого и ситуацией частей. Работа в массах и ситуация у Мао образуют пару. Законы формулируются исходя именно из этой пары. «Обстановка меняется»³², поэтому необходимы различные законы, чтобы ее трактовать.

Но самый общий закон, который нас интересует, касается роста и звучит так: «новое создается в борьбе против старого»³³.

Мысль масштабно нацелена на выработку и формулирование законов. Ей присуща большая подвижность, безостановочный ритм, и она с предельным вниманием смотрит на то, что меняется, на «новое»: это признак не догматического подхода. Правило разработки и процесс формулирования законов —

28 Мао Цзэдун, «Комментарий к статье “Вот волость, кооперированная в два года”». Перевод изменен: «в массах скрыта величайшая социалистическая активность» (Цзэдун 1977, 291). — *Прим. перев.*

29 Ср. Мао Цзэдун, «Из искры может разгореться пожар» (5 января 1930 г.): «Подъем революции подобен плывущему кораблю, верхушки мачт которого уже видны на далеком горизонте; он подобен солнечному диску, сияющие лучи которого уже прорываются, озаряя мглу на востоке, уже видны с вершины высокой горы; он подобен младенцу, который уже бьется в утробе матери и скоро появится на свет» (Цзэдун 1967, 156). — *Прим. перев.*

30 Ср. Мао Цзэдун, «Об искоренении ошибочных взглядов в партии»: «Красная армия ведет войну не ради самой войны, а для агитации и пропаганды в массах, для организации масс, для вооружения масс и для помощи им в создании революционной власти; отказ от этих целей лишил бы смысла и войну, и самое существование Красной армии» (Цзэдун 1967, 129). — *Прим. перев.*

31 См., например, в рус. пер.: Мао Цзэдун, «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (Цзэдун 1967, 256); «Относительно противоречия» (Цзэдун 1967, 420) и др. — *Прим. перев.*

32 См. в рус. пер.: Мао Цзэдун, «Относительно практики» (Цзэдун 1967, 394). — *Прим. перев.*

33 Ср. Мао Цзэдун, «Относительно противоречия»: «Смена старого новым — всеобщий и неодолимый закон вселенной. Превращение одного явления в другое посредством скачка, происходящего в различных формах в соответствии с характером самого явления и условиями, в которых оно находится, — это и есть процесс смены старого новым. В любом явлении содержится противоречие между новым и старым, порождающее многообразную и сложную борьбу. В результате этой борьбы новое растет и возвышается до главенствующего, старое же уменьшается и становится отмирающим» (Цзэдун 1967, 427). — *Прим. перев.*

в том числе закона нового в его оппозиции старому — вводят отношение субъективного к объективному, в данном случае это отношение мысли и того, что Мао называет объективной реальностью. Следовательно, это некая диалектика. Диалектика работает через накопление эмпирического познания, называемое исследованием³⁴, и скачки³⁵ в направлении понятия. Целью становится идентификация политики как познания.

Таким образом мы оказываемся внутри процесса познания. Политическое познание особенно. Оно, скажет Мао, является особенностью того, кто примыкает к диалектическому материализму, то есть к марксизму, то есть к пролетариату. Диалектический материализм отличается от любого другого тем, что 1) он служит пролетариату; 2) потому что опирается на практику³⁶.

У него есть привязка к классу — по сути, Мао говорит: наша тактика и наша стратегия не могут быть использованными никем, кроме нас; «наша стратегия и тактика строится на базе народной войны, и никакая антинародная армия не способна использовать их»³⁷. Тактика, или закон части и специфического (сражения, вступления в бой), стратегия, или закон целого, — эти законы не «циркулируют». Это законы некой политики. В данном случае у политики есть законы.

Я называю *диалектическим модусом* такое отношение политики с ее мыслью.

Почему я закрепляю «диалектичность» за этим модусом и не стал фиксировать ее у Маркса или в том, что я называю большевистским модусом? Маркс провозглашает некую диалектику, но она закреплена за вопросом о материализме и о переворачивании Гегеля, хотя я и расхожусь с ним в этом моменте. У Ленина есть диалектика противоречий между буржуазией и пролетариатом и подход к недиалектизируемому субъективному (сознанию чего-то). Добавим к этому наличие у Ленина разрыва между историей и политикой — разрыва, который партия призвана вобрать в себя, взяв власть, а значит, изменив историю.

Но у Мао мысль не является мыслью о каком бы то ни было уравнении между политикой и историей. История отсутствует, уступая место закону. Здесь нет никаких упований на слияние политики и истории. И в то же самое время здесь есть политический оптимизм — не исторический оптимизм светлого завтра, но политический оптимизм, чьей главной категорией являются массы, «широкие массы». Это новая категория. Ее необходимо понимать не в общепринятом наивном смысле, но в рамках процесса, в котором категория масс подчиняет себе историю.

34 См., например: Мао Цзэдун, «Относительно противоречия» (Цзэдун 1967, 412–413). — *Прим. перев.*

35 См., например: Мао Цзэдун, «Относительно практики» (Цзэдун 1967, 390). — *Прим. перев.*

36 См.: Мао Цзэдун, «Относительно практики» (Цзэдун 1967, 382). — *Прим. перев.*

37 Мао Цзэдун, «Современная обстановка и наши задачи» (25 декабря 1947 г.) (цит. по изд.: Цзэдун 1969, 196). — *Прим. перев.*

Массы схватываются в процессе практики и высказываний. Именно в этом цикле формулируются законы мысли и практики. Массы у Мао не делают историю, они *являются* историей. Так что истории больше нет. История, которая все же еще остается, становится историей совокупностей: мы встречаем исторические тезисы об империализме (он сплетает все, говорит Мао³⁸) или об СССР. Но история в смысле Маркса в своей активной, «воплощающей» функции исчезла. Из чего следует новый оптимизм, имя которому — «доверие к массам». Так, «массы испытывают неудержимый энтузиазм к социализму»³⁹. Не к истории. Диалектический модус деисторизирует.

Диалектический модус — это модус, в котором категория массы является принципиально важной. Но в чем здесь заключается процесс диалектики? Это не диалектика партии и масс. Конечно, «мы должны верить в массы» — но также «мы должны верить в партию»⁴⁰. Ничто не может иметь места без партии, даже если это бунт против партии, как это было во времена дела Пэн Дэхуая⁴¹. Но хотя и несомненно, что партия важна, ни модус, ни диалектика через нее не идентифицируются. Диалектика является *диалектикой познания, мысли и объективной реальности, противопоставленной великим ситуациям*. Именно диалектика соотносит между собой и заставляет конфликтовать одно субъективное с другим — это, разумеется, мысль, но также и ситуация. Ситуация не является просто объективной реальностью, она есть *объективная реальность в ситуации*.

Это значит, что необходимо следовать великим ситуациям: войне, войнам, для которых можно сформулировать законы — и это законы политики в войне или, скорее, политики в *ситуации* войны. Именно в этом ключе следует понимать один из принципиальных тезисов этой диалектики: «Красная армия является вооруженной организацией, выполняющей политические задачи революции»⁴². Армия практикует работу в массах и взращивает энтузиазм к социализму.

Нет ни одной ситуации, где можно было бы отказаться от принципа масс. Диалектический модус опирается на человеческую способность при условии, что была мобилизована политическая способность. Диспозитив, необходимый, чтобы мобилизовать эту политическую способность, — это диспозитив масс, народа, партии, классов. Почему? Потому что здесь мы оказываемся в самом центре доктрины — доктрины *возрастания*. Она позволяет

38 См. рус. пер.: Мао Цзэдун, «О тактике борьбы против японского милитаризма» (27 декабря 1935 г.) (Цзэдун 1967, 214). — *Прим. перев.*

39 См. прим. 28. — *Прим. перев.*

40 Мао Цзэдун, «О кооперации сельского хозяйства» (31 июля 1955 г.) (цит. по изд.: Цзэдун 1977, 221). — *Прим. перев.*

41 Командовавший 3-й армией во время Великого похода, он был снят со всех должностей в 1959 г. за жесткую критику Великого скачка, политики коллективизации и индустриализации деревень.

42 Мао Цзэдун, «Об искоренении ошибочных взглядов в партии» (цит. по изд.: Цзэдун 1967, 128). — *Прим. перев.*

трансформировать категорию антагонизма: он не мыслится как фронтальная атака, внезапное ниспровержение наличного Государства или инсургентные вылазки против него, но как трансформация и частичный переход к социализму: таковы освобожденные районы. Поэтому, вместо доктрины антагонизма классовому Государству или вместо мысли в терминах исторических этапов (восстание горожан, революция, диктатура пролетариата), рост — в ходе народной войны — является ростом социализма.

Массы, подчиняющие себе историю: этого нет ни у Маркса, ни у Ленина. Антагонизм приобретает иное значение: он становится *трансформацией* и локальным строительством социализма в форме освобожденного района. Борьба между буржуазией и пролетариатом (а также борьба с феодализмом) в диалектическом модусе существует в виде *движения*. Движение (роста социализма) становится одной из мыслительных категорий модуса и мысли о политике. Диалектика берет в качестве оси отсчета переход от феодализма и буржуазии к социализму. Переход к социализму осуществляется не посредством восстания по типу 1917 года или переворачивания буржуазного Государства в пролетарское Государство, но посредством растущего движения, воплощенного в освобожденных районах. Важнейшим понятием становится понятие возрастания и уменьшения, «того, что растет, и того, что уменьшается»⁴³. Поэтому диалектический модус является модусом диалектики между возрастанием и уменьшением. *Движение, трансформация, возрастание* являются категориями мысли модуса. Категория масс может рассматриваться как точка субъективации модуса.

Поэтому не-центральное положение антагонизма является принципиально важным для идентификации этого модуса в интериорности. В диалектическом модусе есть некая позитивность, позволяющая придать новое значение антагонизму: не все в его власти, ему необходимо понятие масс, чтобы модифицироваться. Антагонизм становится трансформирующим только тогда, когда практика масс отличается от практики традиционного антагонизма и прямого наступления. Здесь мы видим практику социализма в освобожденных регионах и во взаимоотношении армии с крестьянами и народом в целом; и это все в рамках самого антагонизма войны.

Материализм, подчиненный присущей этому модусу диалектике роста, уклоняется от любого объективизма. Требование сохранять одно только антагонистическое противоречие исходит от объективизма. В реальности же существуют неантагонистические противоречия, которые Мао называет «противоречиями внутри народа»⁴⁴.

43 Ср. Мао Цзэдун, «Относительно противоречия»: «В результате этой борьбы новое растет и возвышается до главенствующего, старое же уменьшается и становится отмирающим» (Цзэдун 1967, 427). — *Прим. перев.*

44 См.: Мао Цзэдун, «О правильном разрешении противоречий внутри народа» (27 февраля 1957 г.) (Цзэдун 1977, 461–508). — *Прим. перев.*

Модус является диалектическим также и потому, что основывается на новой доктрине противоречия — в его центре находится диалектический материализм трансформации, отличающийся от сталинской теории противоречия. Точка реального этого модуса находится в субъективности: это функция, которой наделяется категория масс.

Поэтому именно *народная война*, рассматриваемая как движущая сила *роста* и *трансформации*, идентифицирует модус и является приоритетным местом диалектики. Это диалектика роста в рамках марксистской теории противоречий, которую Мао кардинально перерабатывает. Места модуса являются местами революционной войны: армия, партия, единый фронт. Как мы уже говорили, во временном отношении модус ограничен 1928 («Почему в Китае может существовать красная власть») и 1950 (начало Корейской войны, когда исчезают модальности революционной войны) годами. Я бы хотел закончить фразой, которую часто повторял Мао: «еще по-настоящему не разрешен вопрос: кто победит, а кто проиграет — социализм или капитализм»⁴⁵. И он добавлял, что для этого не хватит и ста лет.

Модус в экстериорности: парламентский модус

Я называю «парламентаризмом» исторический модус политики, господствующий во Франции с 1974 года и по настоящее время. Этим термином я не собираюсь обозначать многопартийность — так называемую демократическую многопартийность. Партии являются государственными образованиями, предназначенными для ротации власти, а не для представительства (классов и их особых интересов).

Даже если центром и местом того или иного исторического модуса политики является Государство, сам он тем не менее является чем-то совершенно иным, чем *форма Государства*. Юридическое и конституционное измерение, разделение властей, признание свободы мнения, собрания и т. д. являются структурными чертами Государства. Парламентский модус идентифицируется не через них.

Поэтому я называю «парламентаризмом» не форму Государства, но формы сознания, подчиненные сингулярной конфигурации, которую можно выделить исходя из высказываний и деклараций. Парламентаризм *консенсуален* и *функционален*.

> Консенсуальное государство

Парламентаризм является модусом в экстериорности. Это значит, что он отрицает, что политика является мыслью. Его концепция политики и заключается в том, что она не является мыслью; политика конститутивно является мнением о правительстве. Парламентские политические партии являются тем, что

45 См. в рус. пер.: Мао Цзэдун, «О правильном разрешении противоречий внутри народа» (27 февраля 1957 г.) (Цзэдун 1977, 493). — *Прим. перев.*

организует такие мнения в сознание. С такой точки зрения эти партии просто организуют субъективное измерение Государства. Из чего следует, что парламентские партии являются не политическими, но государственными организациями. Парламентаризм, будучи политикой в экстерииорности, позволяет описать себя как функцию Государств-партий (во множественном числе).

Парламентская политическая субъективация исходит не из принципа *люди мыслят*, но из принципа *у людей есть мнения*. Голосование — будучи точкой институциональной артикуляции между субъективным мнением и правительственной объективностью — является единственным принципиальным политическим актом парламентаризма. В этом смысле, какими бы не были намерения голосующего, голосование всегда является принципиальным субъективным примыканием к парламентскому модусу. Именно поэтому любой реальный политический разрыв с этим модусом предписывает не само воздержание от голосования, но не-голосование.

Голосование никоим образом не служит для «представления» мнений. Связь, соединяющая субъективацию мнения и правительство, не является представительством. Голосование — это знак примыкания к Государству, оно переизбирает Государство как таковое, какие бы партии не предлагались на выбор. Как следствие, какими бы не были «политические философии», которыми бы кичились выбираемые партии — организаторы мнения относительно Государства, — есть только *одна политика*, одна-единственная. Всевозможные альянсы и блоки, известные нам во Франции, будут тому свидетельством.

> *Функциональное государство*

Государство можно назвать функциональным, когда оно больше не претендует на то, чтобы быть представителем социального тела, и идентифицирует себя тем, что выдвигает на первый план государственную техничность и ее ограничения (решения всегда подаются как правильные технические решения). Функциональность относится только к Государству как таковому. Поэтому «функциональность» означает, что Государство оказывается за пределами антагонизма и за пределами программного измерения: конец программности, датируемый первыми годами правления Миттерана, является концом той идеи, что можно, посредством ряда обещанных или предложенных мер, направлять Государство и что альтернативы в его политике даются как возможные. «Функциональное» означает, что поле возможностей Государства крайне ограничено и что формы предписаний, нацеленных на Государство, шаг за шагом исчезают⁴⁶. Функциональному соответствует «консенсуальное»,

46 Возможные формы предписаний в отношении Государства относятся к политической ситуации «народа лицом к лицу с Государством», в которой соотношение сил может быть в пользу народа, а мощь Государства увязана с доктриной [Государства] всего народа и в этом смысле относительно ограничена. Эта ситуация очевидным образом радикально отличается от того, что сегодня, в 2012 г., я называю *отделенным Государством* — это мутация, ведущая к «Государству без народа», который при помощи грубого репрессивного

представляющее Государство в его авторитарном и репрессивном, недостижимом и отделенном виде и необходимое для того, чтобы подчеркнуть ограниченность и принудительность пространства, оставляемого полю сознания.

Техничность, являясь сущностью функционального и консенсуального Государства, сущностно привязана к экономике. Функциональное Государство никоим образом не является Государством капитала, поскольку капитал от него отделен, — именно в таком смысле нужно понимать слово «экономика»⁴⁷, — но оно интериоризует его требования, равно как и требования кризиса, превращая их в свой догмат. В конечном счете консенсуальное состоит в том, чтобы уступить экономике часть политической сферы, зависящей от Государства и правительства, и редуцировать субъективное пространство, но не к экономике — и в этом-то весь парадокс, — а к государственным ценностям, ссылаясь при этом на внешний характер экономики, тогда как значительная часть решений, касающихся экономики, зависит от государственной политики. Консенсуальное опустошает государственную деятельность, освобождая ее от ее предписывающих измерений и предлагая при этом сконцентрировать мнения не на реальной политике Государства, но на его функциональном аспекте, который представляется в первую очередь в форме моральных ценностей.

Государство, будучи функциональным, должно располагать большинством в профессиональном политическом персонале, состоящем из партийных выходцев. Голосование предназначено для того, чтобы произвести такое большинство, и за это отвечает порядок голосования. Скажем, что голосование трансформирует (не выставляя эту трансформацию напоказ) множественные субъективации мнений о правительстве в единство с определенной функцией. Такая трансформация на деле исключает любое представительство. Государство, которому необходим консенсус и которое в то же самое время его производит, не должно иметь никакой программы, поскольку любая программа предполагает, что она является выражением конкретной группы (очень долгое время это был класс). Голосование превращает расплывчатые программы или обещания партий (организаторов мнений о Государстве в данный момент времени) в авторитет консенсуса.

Парламентское государство действительно регулируется капиталом *извне*. Оно не является Государством капитала (в смысле классового представительства), но оно соглашается с его регулированием. Автономия экономики — это то, исходя из чего выстраиваются нормы Государства, а также то, исходя из

и законодательного аппарата расколот — в первую очередь на «иммигрантов» и французов. В зачаточном виде оно возникло при Миттеране и вышло на общий уровень во время президентства Саркози; поле предписаний или возможностей оказывается в нем полностью отмененным.

47 В этом отличие от социалистических стран, где экономика не отделена от Государства и лишена автономии. Можно выдвинуть следующий тезис: при социализме не существует экономики. Я буду подробно это обсуждать в «Искать иначе и где-то еще» («Chercher ailleurs et autrement»). [См.: Lazarus 2013, 243–288. — Прим. перев.]

чего оно стремится подчинить мнения как *единству функционального*, так и тотальности консенсуального. Можно также сказать, что экономика — это то, на основе чего правительство устанавливает сферу необходимости. Именно ссылаясь на экономику всегда объявляют о том, что мы «обязаны» сделать и особенно претерпеть. В этой необходимости — а вся пропаганда парламентского Государства работает на то, чтобы обратить ее в субъективацию, — и сконцентрирована экстерниорность регулирования капиталом.

Наконец, парламентаризм вырабатывает свою позицию по поводу мест, которые были идентифицированы в других модусах политики или же в нем самом.

По поводу завода он провозглашает, что завод является местом времени (для КПФ⁴⁸ он был местом классовой коллективности; для нас он является местом политики). Идентичность места предписывается рабочим временем, предназначенным для производства товаров. Именно об этом говорит предпочтение слова «предприятие» слову «завод». Основная функция миттеранизма заключалась в том, чтобы стереть высказывание (характеризовавшее КПФ) *завод является местом классовой коллективности* и бороться с высказыванием (Политической Организации) *на заводе есть рабочий*. Для парламентаризма на заводе нет никого (никого, кто был бы значим политически). Есть только производство. Со времен миттеранизма парламентаристская убежденность подкрепляется стиранием какой-либо фигуры рабочего.

О стране парламентаризм объявляет, что она определяется через «французов». Реальным такой идентификации страны при помощи юридического понятия национальности становятся сети непрерывного надзора и преследования «не-французов» и «французов по бумажке»⁴⁹, если воспользоваться выражением городской молодежи. Центральное высказывание парламентаризма в нынешней ситуации звучит так: *есть проблема иммиграции*.

В общенациональном вопросе парламентаризм так и не рассчитался со своим полным крахом перед лицом нацистов. Рецидивирующий петенизм (к нему относятся и венки на могиле предателя от последующих президентов) стремится наложить запрет на любую открытую дискуссию о крайней ненадежности парламентаристского сознания в том, что касается страны; и более общим образом он стремится препятствовать осознанию того, что во Франции отсылка к национальному государству (и к его побочному продукту, «французам») неоднократно (в 1940 и в алжирской войне в 1958 году) прикрывала падение парламентского Государства в позорные ситуации.

Против всего этого мы утверждаем, что страна является совокупностью тех, кто в ней живет; что не существует «проблемы иммиграции»; что невозможно политически идентифицировать эту страну без ее заводов и без фигуры

48 Коммунистическая партия Франции. — *Прим. перев.*

49 *Français de papier*, термин, часто использующийся в ксенофобских дискурсах и противопоставляемый *français de souche*, означающему «коренных французов». — *Прим. перев.*

рабочего; и что в действительности петенизм был субъективным крахом парламентского Государства — в его старом значении многопартийного представительства, — которое сдало страну нацистской армии.

Любая попытка очертить политику в интериорности или политику как мысль требует радикального разрыва с парламентаризмом. Такой разрыв не может быть простым делом мнения (ворчать, жаловаться, говорить, что все становится хуже, ругать политиков, сетовать на «кризис гражданственности», быть экологом, хотеть реорганизовать левых, реформировать КПФ, апеллировать к Республике и прочий вздор). Материалистический разрыв требует, чтобы мы занимались не-парламентской политикой и политикой против парламентаризма. Имя для такого типа действия: Политическая Организация.

IV.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материя политики

Здесь мы обозначим реальные поля, с которыми сталкивается любая мысль о политике.

> Об отношении между заводами и политикой

Утверждаем ли мы неизбежную экстериорность или возможную интериорность заводов по отношению к политике? Можно ли выдвинуть тезис, что высказыванием *завод как политическое место* измеряется политическая способность рабочих?

В рамках политики КПФ профсоюз (ВКТ⁵⁰) определяет то, что стоит на кону в отношении заводов к политике, через «интересы рабочих», которые на деле касаются в первую очередь заработной платы. Если референты, на которые ссылается ВКТ, могут быть рабочим движением, пролетариатом, то ее практика остается внутри институционального регулирования противоречия капитал/труд. В парламентском видении политики заводы находятся в экстериорности по отношению к политике. Пространство производства представляется как автономное по отношению к политической системе. Вся проблематика завода сводится к производству.

В гипотезе политической мысли в интериорности речь идет о том, чтобы подвергнуть политику испытанию заводом. Это попытались сделать рабочие в Шанхае в 1966–1967; их начинание продолжили рабочие в Гданьске в августе 1980 года.

> Об отношении народа и демократии

Как определить демократию не в перспективе Государства, но в перспективе народа? Вопреки тому, что утверждал Ленин, демократия не является —

50 Всеобщая конфедерация труда. — Прим. перев.

или, по крайней мере, является не в первую очередь — формой Государства. Это способность народа, когда он учреждает себя в политического субъекта. Нам известны великие исторические примеры: история Петроградского Совета и движения Советов в целом в феврале 1917 и в последующие месяцы; венгерские рабочие советы в 1956; Шанхайская Коммуна; и — в своих ограниченных формах — май-июнь 1968 во Франции.

Заложено ли в самой природе народа то, что он учреждает себя в политического субъекта лишь при определенных обстоятельствах, а в остальные периоды регистр политики воплощает государственная власть, независимо от ее разновидности?

*> О национальной идентичности
и ее внутренней историчности*

Национальная идентичность должна мыслиться в своей действительной историчности. Бывает и так, что национальная историчность оказывается полностью разгромленной, как это было с петенизмом в 1940. Речь идет о страшном субъективном поражении. Невозможно осмыслить французскую национальную идентичность, не учитывая итог войны 1940-х годов и одно из его следствий, по-прежнему актуальное: разделение Европы на блоки с рассеченной надвое Германией в ее середине. Мы считаем, что нет ничего хорошего в том, что одна страна выстраивает себя на слабости других. В соответствии с нашей идеей Франции в Европе следует поддерживать процессы демократического объединения Германии.

Национальная идея относится к историчности Франции, а не к какому-то образу французов. Такой образ французов ведет к лепенизму. Напротив, в нашем видении политики Франции многонациональность народа является принципиальным пунктом.

Любая политика так или иначе осмысляет и занимает позицию в отношении национальной историчности. Безусловно, это одна из материй политики.

В отношении этих трех материй (или противоречий) политика может быть прогрессистской, радикальной или революционной только тогда, когда она способна развернуть мысль в интериорности.

Три утверждения

> О материализме

Известна позиция — ее придерживался Альтюссер, — полагающая материализм научным познанием реального, наукой о нем; так, говорил он, исторический материализм является наукой истории. Сознание является политически верным, если оно научно. Таким образом, материализм является опорой политики, потому что он научен. Сознание как пространство политики отменяется, и политика оказывается подчиненной категориям науки и теории.

Именно по этой причине, когда Альтюссер интерпеллирован вопросами политики, он отвечает то при помощи науки, то через свою принадлежность к КПФ.

Я полагаю, что необходимо приписывать материализм не только познанию сущностей реального, но тому, что сознание вносит в реальное. Рациональное и научное познание социального, экономического и исторического реального необходимо; но ставкой материализма является не наука, но политическое сознание, политика.

> О диалектике

Я отошел от диалектики. Если бы мне пришлось ее отстаивать, я бы сказал следующее. Тотальность и тотализация; ядро диалектики, которую я предлагаю, состоит в том, что сознание является донесением реального. Назовем этот процесс тотализацией. Тогда мы будем утверждать, что политика в интериорности является единственной материалистической тотализацией — в отличие от морали (и философии), являющихся а-материалистическими тотализациями, или от религии, антиматериалистической тотализации.

> О свободе

Вопрос о свободе ставится между полем сознания и полем власти.

Свобода не является сознанием необходимости, как утверждал Энгельс, но решающим(ся) выбором в противостоянии⁵¹. Свобода есть практикуемое в поле сознания овладение противостоянием между полем сознания и полем власти.

Она находится под условием политики, если точнее, политики, идущей на испытание своей мысли в интериорности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Lazarus S. (1996) *Anthropologie du nom*. Paris: Seuil.
- Lazarus S. (1997) «C'est de la confusion de l'histoire et de la politique que le négationnisme prend son effet». *Parole à la bouche du présent. Le négationnisme, histoire ou politique*. Sous la direction de N. Michel. Marseille: Al Dante. P. 85–98.
- Lazarus S. (2013) *L'intelligence de la politique*. Textes établis par & préface de N. Michel. Marseille: Al Dante.
- Sandevince P. (1981) *Notes sur le post-léninisme*. Paris: Éditions Potemkine.
- Лазарюс С. (2017) «Ленин и время» (фрагменты). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*. № 22. С. 24–45.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) «Манифест коммунистической партии». Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2 изд. В 50 т. Т. 4. М.: Издательство политической литературы. С. 419–459.

51 В оригинале — *un choix de résolution de la confrontation*. Это также можно прочесть как «выбор разрешения противостояния». — *Прим. перев.*

Цзэдун М. (1967) *Избранные произведения*: в 5 т. Т. 1. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.

Цзэдун М. (1969) *Избранные произведения*: в 5 т. Т. 4. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.

Цзэдун М. (1977) *Избранные произведения*: в 5 т. Т. 5. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.

CAN POLITICS BE THOUGHT IN INTERIORITY?

Sylvain Lazarus

(b. in 1943) Political theoretician and activist, former professor of social sciences in the University of Paris–VIII (Vincennes — Saint-Denis), one of the leaders of the Maoist “Union of Communists of France Marxist-Leninist”, subsequently one of the leaders of the group “Political organization” founded in 1985 by him together with Alain Badiou and Natacha Michel.

Transl. by Sergey Ermakov

Sergey Ermakov

Associate Research Fellow at the Sociological institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: 25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg 190005, Russia.

E-mail: yermakovsa@gmail.com

KEYWORDS: *politics-as-thought, post-Marxism, post-Leninism, post-Maoism, political subjectivity, dehistoricization of politics, singularization of politics.*

Since the beginning of 1980-s, in the range of works later collected in one volume “Intelligence of politics” (2013) Lazarus develops his own theory, which might be considered at once both as one of radical versions of post-Marxism and as a principally new mode of thinking the politics in general, which is understood as a thought sui generis, irreducible to the universitarian political studies and political philosophy. For this aim, he undertakes a radical rereading of Lenin, Marx, Saint-Just and Mao and designs his proper unstandardized categorial apparatus. The latter may look extremely abstract for an unprepared reader, but it is linked closely 1) to the most actual French agenda of the time; 2) to the huge number of field studies performed by Lazarus, consisting of thousands of interviews with workers and trade union members. The Lazarus’ thought of 1980–90-s, appearing something like a bridge between the universitarian discourse on politics and the activist thought, have influenced much Alain Badiou’s thought about politics and remains very actual in the present situation where the balance between the universitarian and the activist thought is completely broken to the favor of the university side.

The text, proposed to the reader, “Can Politics be Thought in Interiority?” (1985) is one of author’s manifest, where he for the first time introduces many of his basic categories (he will apply them in his works for the further 25 years, including his fundamental book, “Anthropology of the Name” (1996), as well as demonstrates new clues to the reading of the basic texts of revolutionary and leftist tradition and demarcates his way of thinking politics from the others. One of the most important Lazarus’ achievements is “dehistoricization” of politics, meaning drawing out the thought about it from the dominance of historical thought (as a result, the politics is interpreted as a singular self-substantiating act, not as a consequence of its historical and sociological prerequisites). Some outcomes of his analyses — discovering a new relationship between the state and economics in parliamentary systems, where the programmatic politics has vanished, or reassessment of the role of people and a new understanding of the term “democracy” — will become a commonplace among multiple university leftists only after approximately 20 years.

REFERENCES

- Lazarus S. (1996) *Anthropologie du nom*. Paris: Seuil.
- Lazarus S. (1997) "C'est de la confusion de l'histoire et de la politique que le négationnisme prend son effet". *Parole à la bouche du présent. Le négationnisme, histoire ou politique* (sous la dir. de N. Michel). Marseille: Al Dante. P. 85–98.
- Lazarus S. (2013) *L'intelligence de la politique* (éd., préf. de N. Michel). Marseille: Al Dante.
- Lazarus S. (2017) "Лénine et le temps" (fragments). *Sinij divan. Filozofsko-teoreticheskij zhurnal*. № 22 [Blue couch. Philosophical-theoretical magazine. No. 22]: 24–45. (in Russian).
- Marx K., Engels F. (1955) "Manifest der Kommunistischen Partei". Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2-e izd. V 50 t. T. 4 [Works. 2 ed. In 50 vol. Vol. 4]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury: 419–459. (in Russian).
- Sandevince P. (1981) *Notes sur le post-léninisme*. Paris: Éditions Potemkine.
- Zedong M. (1967) *Izbrannye proizvedeniya*: v 5 t. T. 1 [Selected works. In 5 vol. Vol. 1]. Peking: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. (in Russian).
- Zedong M. (1969) *Izbrannye proizvedeniya*: v 5 t. T. 4 [Selected works. In 5 vol. Vol. 4]. Peking: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. (in Russian).
- Zedong M. (1977) *Izbrannye proizvedeniya*: v 5 t. T. 5 [Selected works. In 5 vol. Vol. 5]. Peking: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.31119/essephts.2019.4.1.3>

ESSE: Studies in Philosophy and Theology. Vol. 4. No. 1. 2019. P. 73–104.

© Sylvain Lazarus, 2019 © Sergey Ermakov, transl., 2019